

Марлен Инсаров
(при участии Владислава Бугеры)

Национальный вопрос и капитализм

В любопытной - не в последнюю очередь своими изъятиями - книжке "Размышления о западном марксизме" английский легальный марксист Перри Андерсон включает в число вопросов, на которые марксизму, на его взгляд, еще предстоит дать ответ, также и следующий: **"Какова роль и позиция нации как социального образования в мире, разделенном на классы? Более того, каковы сложные механизмы национализма как воплощения массовых стихийных сил, сложившихся за последние два столетия? Начиная со времен Маркса и Энгельса, эти вопросы не получили адекватного ответа"**. (П. Андерсон. Размышления о западном марксизме. М., 1991, с. 115.)

Как и можно ожидать от легального марксиста, П. Андерсон преувеличивает. Только теория исторического материализма может дать правильное понимание национального вопроса, и существенные элементы такого понимания были даны ее представителями задолго до П. Андерсона и до деятельности ГПРК, которая всего лишь развила историко-материалистическую - то есть классовую - теорию наций до необходимых выводов.

На трактовке национального вопроса можно хорошо видеть, как полезно различать теорию исторического материализма, основы которой были заложены Марксом и Энгельсом, и взгляды Маркса и Энгельса по тем или иным вопросам.

К самим Марксу и Энгельсу, как и к любым борцам и гениям, сколь бы велики они ни были, полностью приложимы слова, сказанные Энгельсом о Сен-Симоне, который **"хотя и был, вместе с Гегелем, самой универсальной головой своего времени, однако был ограничен, во-первых, уровнем своих собственных знаний, во-вторых, уровнем знаний своей эпохи"**.

Маркс и Энгельс жили и боролись в эпоху, когда на повестке дня даже в Европе объективно стояли задачи буржуазной революции, когда всполохи пролетарской революционности были лишь "первым пророчеством грозных, грядущих и доблестных дней" мировой пролетарской революции, время которой наступит лишь в 21 веке. Необходимость бороться объективно за буржуазные задачи не могла не воздействовать на их взгляды и действия, как и на взгляды и действия других пролетарских революционеров эпохи буржуазных революций.

Маркс и Энгельс начинали как радикальные буржуазные демократы, и пережитки этого сохранились у них до конца, прежде всего именно в национальном вопросе, общую их позицию по которому высказывал чаще Энгельс, ответственный за данный вопрос в их беспримечной исторической партии из двух человек (1).

Согласно историческому материализму, от распада первобытных общин и до появления Всепланетной Общины фундаментальной, первичной, все определяющей реальностью истории является обусловленное развитием производительных сил деление общества на классы. Именно классы представляют собой истинных субъектов, борцов исторического процесса. Вся политика и вся идеология не может быть объяснена иначе, как через борьбу классов, созданных находящимися на определенном уровне развития производительными силами.

Поэтому любой, кто говорит как о первичной реальности не о борьбе классов, а о борьбе наций, народов, стран, цивилизаций и т. п., бесконечно далек от научного революционного коммунизма. А именно так делает в своей статье "О национально-освободительном движении" т. Рудый, который пишет: **"Неотъемлемой частью мировой империалистической системы является эксплуатация развитыми империалистическими странами других, угнетенных стран"**. Итак, не империалистическая буржуазия развитых стран эксплуатирует пролетариев своих стран и - вместе с правящими классами среднеразвитых и отсталых стран (*в свою очередь участвующих в эксплуатации пролетариев передовых стран! Вспомним, что арабские шейхи и русские олигархи любят хранить свои капиталы в западных банках и, поэтому, получают свою долю от эксплуатации западных пролетариев!*) - эксплуатируют пролетариев и полупролетариев этих среднеразвитых и отсталых стран, но богатые страны, как единое целое, грабят бедные страны! Политический вывод отсюда может быть только один: пролетарии отсталых стран, объединяйтесь со своими родными эксплуататорами и идите священной войной на якобы безнадежно коррумпированных и участвующих в вашем ограблении пролетариев развитых стран! Такие выводы и делаются в сталинистской среде...

В противоположность классовому подходу исторического материализма, многие из буржуазных мыслителей (истина одна, и имя ей - исторический материализм, а вот заблуждений много) утверждают, что субъектами исторического процесса являются не классы, а нации. К такой мысли был близок повлиявший на молодых Маркса и Энгельса известный консерватор, идеалист и мракобес Гегель, для которого подлинным субъектом истории был некий Дух (иное словечко для бога), на каждом из этапов своего развития воплощавшийся в определенном народе, который становился на данном этапе "исторической нацией".

Если мы возьмем как самый яркий пример позиции Маркса и Энгельса по национальному вопросу статьи Энгельса периода революции 1848-49 гг., мы увидим, что вместо классового подхода, анализирующего все политические события, исходя из взаимоотношений и борьбы *классов*, Энгельс постоянно говорит о борьбе "революционных" и "контрреволюционных", "исторических" и "внеисторических" *наций*. Объясняется это тем, что в силу крайней слабости немецкого пролетариата Маркс и Энгельс в своей "Новой Рейнской газете" 1848-49 гг. действовали как всего лишь крайне левое крыло буржуазной демократии. В итоге они поддержали либеральное венгерское дворянство против восставших на своих прогрессивных и либеральных господ румынских и славянских крестьян, которые, не найдя союзника ни в крайне слабом немецком пролетариате, ни даже в его передовых политических представителях (выступавших как всего лишь крайне левый фланг того лагеря, на правом фланге которого пребывали немецкие буржуа и венгерские помещики), естественным образом видели этого союзника во враге своих врагов - в австрийском кайзере, и были, как и следует ожидать, жестоко обмануты.

Подобное же отношение к национальным движениям в Восточной Европе (кроме польского) основоположники исторического материализма (особенно Энгельс) сохраняли и в дальнейшем. Они видели в этих движениях всего лишь русскую интригу, а не необходимое следствие капиталистического развития данных территорий.

При таком подходе, кроме прочих его неправильностей и неудобств, без ответа оставался, в частности, следующий вопрос: что должны были делать по отношению к этим национальным движениям такие люди, как, например, первый болгарский революционер-коммунист Христо Ботев, автор замечательного "Символа веры Болгарской Коммуны" (1871 г.)?

Ботев, впрочем, сделал то же самое, что должен был сделать любой революционер-коммунист, оказавшийся в ситуации, когда объективные условия созрели до победы не его, а враждебного класса, что сделали сами Маркс и Энгельс в 1848 г.: бросился в буржуазную революцию, пытаясь толкать ее максимально влево. Он погиб в 1876 г., сражаясь за независимую буржуазную Болгарию, точно так же как в национальных буржуазных революциях, за победу вражьего класса, буржуазии - *абсолютно необходимую предпосылку победы в грядущем своего пролетарского класса* - погибли великие революционеры-коммунисты итальянец Карло Пизакане (1857 г.) и ирландец Джеймс Конноли (1916 г.)...

Основы историко-материалистического понимания национального вопроса заложил не кто иной, как В. Ленин. Такое наше признание может показаться странным для тех, кто усвоил только, что Ленин "право наций на самоопределение" признавал, тогда как мы, ГПРК, его отрицаем, и не желает вдумываться в ту вещь, что *Ленин в начале 20 в. признавал лозунг о "праве наций на самоопределение" в силу приверженности точно той же исторической концепции, из-за приверженности которой мы отрицаем этот лозунг в начале 21 века.*

Связь возникновения и существования наций с развитием капитализма - вот то главное, что отличает теорию наций, выдвинутую Лениным и доведенную до естественных выводов нами. В полемике против Р. Люксембург Ленин писал:

"Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие его есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец - условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем" (ПСС, 5-е изд., т. 25, с. 258 - 259).

Итак, возникновение нации связано с развитием капитализма, требующим сплоченного внутреннего рынка - национального рынка - и создающим такой рынок. Таков был шаг к пониманию природы наций, сделанный Лениным.

Мы всего-навсего сделали следующий шаг, вслед за Лениным, сказавшим "а", сказали "б". Исходя из фундаментальной истины, что объективное в истории всегда реализуется только через субъективное, экономика - через политику (то есть действия и борьбу классов), мы показали, что *создателем и организатором нации является класс буржуазии и воплощающее его волю государство.* (Современное государство, независимое от буржуазии - миф государственнический, а буржуазия, независимая от государства - миф

либеральный. Государство было тараном буржуазных преобразований, высшей концентрацией воли буржуазии даже в Англии эпохи наибольшего либерализма.) Это означает, например, что, если развитие капитализма на Апеннинском полуострове в 19 в. требовало создания здесь единого рынка, единой нации, единого государства, они были созданы Мадзини, Гарибальди, Кавуром, Виктором-Эммануилом, но прежде всего - классом итальянских капиталистов, чью волю воплощали данные политики.

Большевик Г. Сафаров (впоследствии - зиновьевец) в 1923 г. давал следующее определение: **"Национальность создается общностью языка и территории. Нация является объединением, создаваемым развитием капитализма на основе этих элементов национальной жизни и воплощающим свое стремление к национальному единству и свободе в борьбе за национальное государство"**. (Г. Сафаров. Национальный вопрос и пролетариат. М., 1923, с. 183.)

Это определение замечательно по крайней мере в двух отношениях: 1) оно указывает, что нация создается благодаря развитию капитализма из предшествующих элементов национальности, этноса, соединенных общностью языка и территории; 2) оно подчеркивает субъективный, активистский момент - нация создается *в борьбе* "за национальное единство и свободу". Недостаёт "только" решающей детали - указания на субъект этой борьбы, *класс буржуазии, его государство и его политиков* - чтобы прийти к пониманию нации, выработанному ГПРК.

Судьба нации неразрывно связана с судьбой капитализма. Она возникает вместе с ним, вместе с ним разрывает пути феодализма, вместе с ним прогрессирует - и вместе с ним из прогрессивной фазы переходит в фазу реакционную, вместе с ним гибнет.

Поэтому для нас, пролетарских революционеров, лозунг "право наций на самоопределение", как и все другие буржуазно-демократические лозунги, это не лозунг в защиту "неотъемлемых прав человека и гражданина", чем являются такие лозунги для буржуазных демократов (в нашу эпоху, когда силы монополистического капитала сносят почти всех вправо, такими старыми хорошими буржуазными демократами остались... главным образом троцкисты, околотроцкисты и часть маоистов и экс-маоистов). Нет, это - лозунг радикальной, решительной, доведенной до конца *буржуазной* революции. Он необходим, неизбежен, когда на повестке дня задачи буржуазной революции. Он нелеп и реакционен в эпоху, когда буржуазная революция уже совершена и завершена, и назревающая революция может быть только социалистической.

И полемика Ленина против отрицавших лозунг о "праве наций на самоопределение" Р. Люксембург, Бухарина и Пятакова объясняется именно тем, что Ленин куда более ясно, чем они, понимал, что тогда, в начале 20 в., **"большинство стран и большинство населения земли до сих пор стоят еще даже не на капиталистической или только в начале капиталистической ступени развития... Для социализма созрели лишь передовые страны запада и Северной Америки** (как оказалось, не созрели вплоть до научно-технической революции второй половины 20 в., до компьютеризации и автоматизации. - М. И.)... **В этих передовых странах (Англия, Франция, Германия и пр.) национальный вопрос давно решен, национальная общность давно изжила себя, "общенациональных задач" объективно нет...**

Иное дело в странах *неразвитых*... т. е. на всем востоке Европы и во всех колониях и полуколониях. Здесь *еще* есть, по общему правилу, угнетенные и капиталистически неразвитые нации. В таких странах есть еще объективно *общенациональные задачи*, именно задачи *демократические*, задачи *свержения чужденационального гнета*" (ПСС, 5-е изд., т. 30, с. 111).

Или в более ранней полемике с Р. Люксембург:

"В западной, континентальной Европе, эпоха буржуазно-демократических революций охватывает довольно определенный промежуток времени, примерно с 1789 по 1871 год. Как раз эта эпоха была эпохой национальных движений и создания национальных государств. По окончании этой эпохи Западная Европа превратилась в сложившуюся систему буржуазных государств, по общему правилу при этом национально-единых государств. Поэтому теперь искать права самоопределения в программах западноевропейских марксистов, значит не понимать азбуки марксизма.

В Восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 г. Революции в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах - вот цепь мировых событий нашей эпохи нашего "востока". И в этой цепи событий только слепой может не видеть пробуждения *целого ряда буржуазно-демократических национальных движений*, стремлений к созданию национально-независимых и национально-единых государств. *Именно потому и только потому, что Россия вместе с соседними странами переживает эту эпоху, нам нужен пункт о праве наций на самоопределение* (курсив наш. - М. И.) в нашей программе" (ПСС, 5-е изд., т. 25, с. 269).

Вся беда наших стремящихся быть марксистами оппонентов в том, что они не могут понять различия двух эпох - эпохи буржуазной революции и эпохи, когда никакая революция, кроме социалистической, уже невозможна, эпохи капитализма прогрессивного и эпохи капитализма реакционного, и в силу этого уподобляются человеку, плясавшему на похоронах и рыдавшему на свадьбе. Как писал Ленин в той же полемике против Р. Люксембург по поводу социал-националистов из ППС, горячих сторонников самоопределения польской нации: "Если ППС... пыталась в 1896 г. закрепить точку зрения Маркса *иной эпохи*, то это означало использование уже *буквы марксизма против духа марксизма*" (ПСС, 5-е изд., т. 25, с. 298).

* * *

Если 19 век был веком буржуазной революции на Западе, то 20 век - веком буржуазной революции на Востоке - независимо от того факта, что в большинстве стран Востока эта революция драпировалась в социалистические и псевдосоциалистические знамена. Теперь весь мир стоит на капиталистической ступени развития, капитализм не только подчинил себе отсталые страны (как это было в эпоху колониализма), но и переделал во всяком случае подавляющее большинство из них по образу и подобию своему. Те несчастные участки земного шара, где капиталистический прогресс не состоялся до сих пор (Афганистан, немалая часть Тропической Африки и т. п.), едва ли могут быть охвачены им в будущем - из-за кризисного, реакционного характера современного мирового капитализма (подробнее см. статью "Трагедия

Афганистана" в №2 журнала "Пролетарская революция"). Весь мир созрел для социализма. Мировая социалистическая революция будет делом не пролетариев **"меньшинства стран, дошедших до ступени развития передового капитализма"**, как надеялся в свое время Ленин (ПСС, 5-е изд., т. 30, с. 111), но пролетариев всех стран. В этом состоит принципиальное отличие между эпохой Ленина и нашей эпохой.

В связи с этим необходимо рассмотреть, как происходил процесс капиталистической трансформации отсталых стран и как они перешли от стадии внешнего подчинения капиталу к собственно капиталистической стадии.

М. Рудый пишет: **"Неотъемлемой частью мировой капиталистической системы является эксплуатация развитыми капиталистическими странами других, угнетенных стран (что Рудый подменяет эксплуатацию пролетариата буржуазией эксплуатацией отсталых стран развитыми, мы уже говорили выше. - М. И.). Вследствие этой эксплуатации развитие эксплуатируемых стран существенно замедляется, а то и вовсе останавливается. Именно в этом и есть основная причина неравномерности развития отдельных стран мира"**.

Если бы все обстояло так, как пишет М. Рудый, ни о какой неравномерности не было бы и речи. Развитые страны равномерно жирели бы, отсталые столь же равномерно нищали - пока первые не умерли бы от ожирения, а вторые от истощения. О перспективах социалистической революции говорить в такой ситуации было бы столь же нелепо, как говорить о них в поздней Римской Империи.

Упадок старых отраслей промышленности Англии и развитие новых отраслей промышленности в Юго-Восточной Азии, развитие, приведшее к глубокому кризису 1998 г.; индустриализация Китая и деиндустриализация Среднего Запада США, сменяющаяся его реиндустриализацией - таковы некоторые штрихи подлинной неравномерности капиталистического развития.

Мотором движения капитализма является стремление капиталиста к максимальной норме прибыли. Но само развитие капитализма ведет к падению нормы прибыли, т. е. к тому, что данное количество труда приводит в движение все больше средств производства и что затраченный капиталистом капитал дает все меньшую прибыль. Желая получить более высокую прибыль, капиталист начинает вкладывать капиталы в более отсталые страны, где норма прибыли выше, так как рабочая сила дешевле и большая часть стоимости вновь произведенной продукции - это вновь созданная стоимость, произведенная живым трудом=переменным капиталом, а не стоимость, перенесенная с постоянного капитала=мертвого труда.

Такой перенос капитала в отсталые страны приводит к развитию там современной промышленности и в то же время к упадку ее в развитых странах. Иногда этот упадок заходит столь далеко, что движение капитала начинает идти в обратном направлении. Во время азиатского кризиса 1998 г. в печати мелькнуло сообщение, что южнокорейские судостроительные компании стали скупать судостроительные верфи в Англии, так как рабочая сила там дешевле! *Отсталая Англия и передовая Южная Корея, Англия как "колония" Южной Кореи* - такова реальная картинка подлинной неравномерности развития при капитализме.

Можно и нужно сколько угодно (и тысячу раз правильно!) говорить об одностороннем и деформированном характере развития отсталых стран при капитализме, о страшной цене, которой оно оплачивается, о кризисах и

катастрофах, которыми оно сопровождается; нужно разоблачать апологетов буржуазного прогресса, которые делают вид, что не знают истину, известную еще мелкобуржуазным критикам капитализма в 18 в.: *"Богатство наций - это бедность народов"* - но нельзя забывать, что *толчок к буржуазному развитию стран Востока, развитию, единственно на основе которого можно покончить со всей мерзостью тысячелетних страданий, был дан именно безжалостной империалистической экспансией Запада* - и что *без этого толчка страны Востока до сих пор пребывали бы в тупой феодальной неподвижности*.

Ошибочное представление М. Рудого о характере мировых империалистических отношений присуще не ему одному. Оно свойственно практически всей национал-патриотической и псевдокоммунистической оппозиции, позаимствовавшей его у маоистских и "третьемирских" теорий 1960-70-х гг. Такие теории были столь распространены в эпоху, когда мелкобуржуазный радикализм выдавал себя за марксизм, что их сочли за образец подлинного марксизма и некоторые весьма ученые буржуа, с победоносным видом их критикующие.

Так, профессор Принстонского университета в США Чэн Сяонун пишет: **"Теории марксистов предусматривали, что развитые страны на протяжении длительного времени будут грабить ресурсы и богатства развивающихся стран (знакомая мелодия: богатые страны грабят бедные страны! Но причем здесь марксизм? - М. И.), из-за чего бедные государства будут становиться еще беднее. Однако начиная с 1980-х годов важная особенность мировой экономики состоит в том, что капитал чем дальше, тем больше переливается из развитых стран в развивающиеся государства, что приводит к тому, что все больше и больше развивающиеся страны создают у себя промышленность, ориентированную на экспорт, благодаря чему они избавляются от нищеты и отсталости (!?) и вступают в ряды развитых государств (!?)"** (см. весьма интересную книгу: Ю. М. Голенович. Прав ли Дэн Сяопин, или Китайские инакомыслящие на пороге 21 века. М., 2000, с. 124).

Лживость буржуазной апологетики Чэн Сяонуна очевидна. Далее он сам скромно признает, что **"подъем экспортной промышленности в странах третьего мира происходит на основе низкой заработной платы"** (там же, с. 124-125), на которую хорошо бы посадить всех буржуазных профессоров, дабы они поняли, что это такое! Он умалчивает, что "богатство стран - это бедность народов", что результатом падения нормы прибыли в промышленности развитых стран является не столько перелив капитала в промышленность стран развивающихся, сколько прилив его в финансовые спекуляции, что промышленный рост происходит далеко не во всех отсталых странах, что вся неустойчивость этого роста демонстрируется мексиканским, азиатским, аргентинским и т. п. кризисами. Но критика маоистски-"третьемирских" теорий, выдающих себя за марксизм, дается им верно.

Грабеж победителями побежденных, разграбление правящими классами победоносной страны богатств страны побежденной - все это существует с тех пор, как возникло деление общества на классы. Чем отличается класс капиталистов от всех Тутанхамонов и Чингисханов, так это тем, что ему - правящему классу рыночного, а не натурально-хозяйственного общества - требуется не само по себе богатство в его вещественной форме, а прибавочная стоимость. Из подчиненных ему стран он должен извлечь не сало, чтобы съесть, и не кусок золота, чтобы повесить себе на шею, а прибавочную стоимость,

чтобы с ее помощью получать новую прибавочную стоимость. Золото, алмазы, сало, кофе, даже нефть интересуют его прежде всего как вещественные носители прибавочной стоимости, произведенной трудом пролетариев. Именно поэтому капитализм - в отличие от всех прошлых завоевателей, хотя и грабивших побежденных до нитки, но сохранявших нетронутым их старый способ производства (либо отбрасывавших его назад, после чего история начиналась по новому кругу) - перевернул старый способ производства стран, подчиняемых им, радикальным образом. Между тем картинка, нарисованная т. М. Рудым, показывает именно докапиталистические, а не капиталистические отношения центра и периферии.

Прекрасное похвальное надгробное слово капитализму, выполненной им прогрессивной работе развития производительных сил, уничтожения национальной замкнутости и обособленности, объединения мира в одно - насквозь противоречивое - целое можно найти в "Коммунистическом манифесте".

Однако является ли картина отношений капиталистического центра и периферии, нарисованная т. М. Рудым, простой ошибкой, не указывает ли она на некую истину - но относящуюся не к нашему, а к другому, прошлому времени?

Как известно из теории исторического материализма, государственная власть, насилие и террор играют хотя и не самостоятельную, но огромную роль в истории классовых обществ. Политика, то есть насилие, хотя и слуга экономики, но без такого слуги экономика точно так же не смогла бы развиваться, как путник не может без топора продвигаться по густому лесу. Когда развившиеся в обществе новые силы требуют для своего дальнейшего свободного роста слома старых общественных структур, эти структуры не могут быть сломлены якобы автономной игрой экономических законов, но лишь физической силой. Как прекрасно показал Маркс в 24-й главе первого тома "Капитала", требующийся для развития капитализма слом докапиталистических натуральнохозяйственных отношений, отделение производителя от средств производства и превращение его в наемного раба капитала были осуществлены отнюдь не якобы самодостаточными рыночными механизмами, но всей мощью государственной власти - концентрированного выражения этих механизмов. Примеров тому в истории тьма - от "огораживаний" в Англии 16 в. до "коллективизации" в государственно-капиталистических странах 20 в. Если это верно по отношению к странам - самостоятельным центрам капиталистического развития, то тем более верно по отношению к тем странам, которым толчок в сторону капитализма был дан извне.

Поэтому когда Маркс и Энгельс в "Коммунистическом манифесте" писали: **"Дешевые цены ее (буржуазии) товаров - вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она (буржуазия) разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам"**, - то они совершали ошибку, объяснимую разве только увлечением от открытия определяющей роли экономики в обществе. Во-первых, дешевая цена товаров не имела значения для обществ с натуральным хозяйством, не нуждавшихся в товарах извне, а во-вторых, на китайских стенах сидели стражники китайских и не китайских императоров и царьков, которые конфисковали бы в пользу императора одну часть товаров, разграбили бы в свою пользу другую, а оставшуюся обложили бы по приказу императора такими пошлинами, что от дешевой цены остались бы одни воспоминания.

Поэтому буржуазия Запада проломила "китайские стены", огораживавшие от ее экспансии общества Востока, не "тяжелой артиллерией" дешевых товаров, а обыкновенной тяжелой артиллерией, примеры чему - две опиумные войны с Китаем (когда благочестивые и цивилизованные страны Запада, ныне ведущие бесплодную "борьбу" с мировой наркоторговлей, *положили ей начало*, пушками и штыками заставив китайское правительство признать их право отравлять опиумом "нецивилизованных" туземцев), завоевание Ост-Индской компанией Индии и вся вообще колониальная политика.

В колониях, как и в самих метрополиях, капитализм использовал всю силу государственной власти для ломки старых социальных отношений, а равным образом для обогащения класса буржуазии. Последняя, находя слишком медленным обогащение за счет регулярной и организованной эксплуатации трудящихся, не успевших еще лишиться средств производства и превратиться в класс пролетариев, наживала сказочные богатства не столько за счет эксплуатации живого труда, сколько за счет присвоения накопленного мертвого труда, то есть захватывала и пускала в рыночный оборот огромные богатства, веками лежавшие в кладовых туземных царьков и раджей (интересно, что пример такого пути обогащения за счет рыночной реализации продуктов прошлого, овеществленного труда повторился в 1990-е гг. в России - см.: Е. Б. Сахонько. К вопросу о стоимости рабочей силы при капитализме. М., 2000). Докапиталистические методы эксплуатации - прямой грабёж, налоговая эксплуатация, рабство - были пущены в ход ради победы капитализма. Вот как описывает большевик Г. Сафаров этот период внешнего подчинения зависимых стран, когда капитал уже подчинил их своей власти, но еще не переделал на капиталистический лад, еще не превратил основную часть их трудящихся из владеющих средствами производства мелких самостоятельных производителей в лишенных средств производства пролетариев - *период колониализма*:

"Европейский финансовый капитал и его колониально-бюрократический аппарат играли и по сие время продолжают еще играть в большей части Востока роль чисто внешней надстройки над туземными отсталыми, патриархально-родовыми и феодально-патриархальными отношениями производства и распределения. Их роль вполне может быть уподоблена роли средневековых феодалов-завоевателей". (Г. Сафаров. Проблемы Востока. Пг., 1922, с. 21.)

"Феодально-ростовщическая эксплуатация, основанная на долговой кабале, на личной несвободе, на прикреплении производителей к средствам производства (в колониях и полуколониях), смешивается с капиталистической, ее поддерживает и подкрепляет". (Г. Сафаров. Проблемы национально-колониальной революции. М.-Л., 1931, с. 111.)

"Отношения между метрополией и колониями приближаются, по существу своему, к типу феодальных отношений, поскольку внеэкономическое насилие служит в них главным фактором.

Вывоз прибавочного продукта в форме монопольной торговой сверхприбыли является основной причиной хозяйственного застоя и разложения в отсталых странах". (Сафаров, Проблемы Востока, с. 128.)

"Капитал, вывозимый в колонии, совсем не заинтересован в развитии местной промышленности. Напротив того, его задача заключается по преимуществу в разрушительной работе - в создании кадров рабочих рук, лишенных средств производства, и потому вынужденных работать в наихудших технических и социальных условиях, при наименьших затратах

со стороны капитала". (Сафаров, Национальный вопрос и пролетариат, с. 104.)

Как видим, изображенная М. Рудым картина относится к первому этапу взаимоотношений капиталистического центра и периферии - к эпохе колониализма.

Но эта ситуация была таким же переходным мостиком от феодализма к капитализму, как и сталинизм в СССР. Она таила в себе семена собственного распада и перехода к новой стадии.

Что случится после того, как "процесс создания кадров местных рабочих рук, лишенных средств производства", будет закончен? Где им, во всяком случае, их основной части, работать, то есть производить прибавочную стоимость, как не в "местной промышленности", которая, поэтому, должна быть создана - и была создана!

А создание "местной промышленности" неминуемо сопровождается появлением местной буржуазии с сопутствующим ей штатом адвокатов, экономистов, журналистов и других идеологов национальной независимости. Начинается борьба против колониального гнета, начинается процесс деколонизации.

Длившийся много десятилетий (завершением его можно считать 1975 год - освобождение португальских колоний в Африке), сопровождавшийся упорной борьбой, чудовищными зверствами колонизаторов и беззаветным самопожертвованием обездоленной бедноты, умиравшей за чужое дело, веря, что умирает за свое - этот процесс увенчался успехом по двум причинам: 1) из-за роста силы туземной буржуазии, требовавшей у старших белых братьев своей доли пирога; 2) нагромождение для буржуазии метрополий ненужных накладных расходов по удержанию колоний в прямом политическом подчинении, тогда как растущая капиталистическая переработка их хозяйства и появление туземной буржуазии как надежного контролера над туземными пролетариями и посредника в их эксплуатации гарантировали сохранение этой эксплуатации и после превращения колоний в независимые государства.

Так, к концу 20 века, капитализм захватил под свое господство весь земной шар, не только подчинив его себе политически, как было в эпоху колониализма, но и переработав по образу и подобию своему. Вчерашнего крестьянина, долженствующего платить налоги и поборы во имя накопления капитала и ради этого либо продавать большую часть производимого им продукта на рынок, при этом недоедая, либо даже уходить на заработки, заниматься отходничеством, но при этом еще не порвавшего со своим клочком земли - этого крестьянина сменил пролетарий буржуазного общества, будь этот пролетарий рабочим промышленного предприятия, батраком или перебивающимся случайными заработками обитателем лачуги в бедняцком пригороде.

С завершением буржуазного преобразования мира кончилась и прогрессивная роль национализма. В войнах за независимость португальских колоний в Африке он в последний раз сыграл революционную роль.

Уже при распаде СССР и СФРЮ в конце 1980-х - начале 1990-х гг. роль национализма (словосочетание "буржуазный национализм" - ненужная тавтология, так как национализм не может быть никаким иным, кроме как буржуазным) была исключительно контрреволюционной. И вовсе не потому, что происходил распад крупных государств на мелкие.

Буржуазное преобразование СССР и СФРЮ было, в основном и главным, завершено задолго до конца 1980-х гг. (отсталый капитализм - все равно капитализм). Здесь была возможна либо пролетарская революция, либо никакой революции.

В 1980-е гг. происходил грандиозный подъем совместной борьбы югославских рабочих разных национальностей - борьбы за свои классовые интересы, против инфляции и против богатеющей "красной буржуазии". Последней удалось разделить рабочих разных наций - сербов, хорватов, босняков, повести их друг против друга и утопить пролетарскую солидарность в реках крови, сохранить благодаря этому свою власть и богатства.

Точно то же самое смогли проделать различные отряды буржуазии в бывшем СССР. Наиболее яркий пример - январь 1991 г. в Литве, когда после повышения цен на улицы Вильнюса вместе, плечом к плечу стихийно вышли литовские и русские рабочие, и буржуазное правительство рухнуло. После этого совместными усилиями независимской и промосковской фракциям буржуазии удалось превратить мощный - увы, стихийный - классовый протест рабочих в разбирательство вопроса: за Литву или за СССР, - расколоть тем самым литовских и русских рабочих и сохранить буржуазный режим.

Умные буржуа из журнала "Эксперт" писали в свое время, что буржуазное общество в России было спасено в 1990-е годы от гражданской войны потому, что ту заменили бандитские войны. Так как единственной серьезной оппозиционной партией в СССР был преступный мир, и так как эпоха застоя крепко отучала от совместной борьбы за общие интересы, то энергичные и решительные рабочие парни в конце 1980-х годов пошли не в марксистские кружки, а в бандитские группировки, где и поубивали друг друга, выясняя, кому удастся пролезть в буржуи. Точно таким же предохранителем от классовой гражданской войны (увы, подействовавшим!) - только не в России, а на периферии СССР - стали и всевозможные национальные войны в экс-республиках СССР (в сущности, такие же бандитские войны, только с применением не одних лишь автоматов и базук, но еще и национальной идеологии).

Политическая независимость бывших колоний достигнута. Их экономическая зависимость от мирового рынка не может быть уничтожена никаким "национал-освободительным движением". Мировой рынок, мировой капитализм не могут быть уничтожены на отдельном участке земного шара. Для их уничтожения потребуется тотальная, всеохватывающая революция мирового пролетариата.

* * *

Рассмотрим еще некоторые ошибки М. Рудого.

Он пишет, что в числе причин, по которым Ленин считал необходимым для коммунистов поддерживать национал-освободительные движения, "отсутствует критерий некой "прогрессивности" или "антибуржуазности"... Единственные критерии - национально-освободительное движение должно быть направлено против империалистических, эксплуататорских стран и не должно быть направлено против широких масс трудящихся".

Во-первых, с каких это пор "прогрессивность" и "антибуржуазность" суть синонимы? Любое национальное движение является буржуазным и, как таковое, было прогрессивным, пока капитализм был прогрессивным.

Во-вторых, как движение *буржуазное*, оно *не может быть не направлено "против широких масс трудящихся"* - вспомним, что и Великая буржуазная французская революция запрещала стачки и профсоюзы. Отсюда не следует, что мы должны были, вместе с вандейскими мужиками, идти за короля против "буржуев из Конвента", но следует, что даже в буржуазной революции нужно было отстаивать классовую самостоятельность пролетариата - что, собственно, и делали наши великие учителя, начиная с Марата и кончая Лениным, Троцким и Бордигой.

В-третьих, выступают ли сегодня "национал-освободительные движения" против империалистических держав хотя бы так, как они делали это 40 лет назад?

Возьмем, например, таких любимцев публики, как "сапатисты" из штата Чиapas, которые, на взгляд М. Рудого, выступают уже не только **"против пережитков феодализма, как в начале 20 в."**, но и **"против капиталистического угнетения крестьян, а также и против империализма"**.

В отличие от великих буржуазных революционеров 20 в., какими были Мао Цзэдун или Че Гевара, "сапатисты" вовсе не борются за захват власти и коренное преобразование общества хотя бы даже в радикально-мелкобуржуазном духе. Давлением на правительство (даже не столько вооруженным, сколько символическим, когда автомат - не оружие смертоубийства, а символ такого оружия) они хотят принудить его провести некоторые реформы в пользу индейцев, дать автономию индейским общинам и т. п. Правильным определением для самозванных правнуков великого Эмилиано Сапаты, "всего-навсего" боровшегося "против пережитков феодализма" и солидаризировавшегося с Октябрьской революцией, будет *вооруженные реформисты*, или, как 100 лет назад называли большевики эсеров, "либералы с бомбами".

Или возьмем курдское национальное движение. Тем более, что Курдистан остается одним из немногих мест на планете, где существует мощное и жизнеспособное национальное движение, так и не добившееся своей цели. Поэтому, казалось бы, если где солидаризация с национал-буржуазным движением и возможна до сих пор, так это в Курдистане.

Сервизизм курдских партий, возглавляемых кланами Барзани и Таллебани, по отношению к окрестным буржуазным режимам, которым кланы Барзани попеременно продаются вот уже более полувека, факт давно известный. Куда большим радикализмом отличалась и куда больше оснований числиться революционно-буржуазной силой имела Курдская рабочая партия. Но лишь только она утратила поддержку Сирии, лишь только А. Оджалан оказался на скамье подсудимых, а затем в камере смертников, так сразу и А. Оджалан, и вся КРП заявили об отказе от борьбы с "турецким демократическим (!) государством" и ограничении своей деятельности... защитой курдского языка и культуры! И если персонально у Оджалана это можно было бы объяснить простой физической трусостью (что-то ее совсем не наблюдалось у Вольфа Тона, Василя Левского, Кастуся Калиновского и других великих национал-революционеров, бесстрашно шедших на виселицу в эпоху, когда капитализм сохранял прогрессивный характер), то позиция всей КРП объясняется

причинами социальными и политическими - *полным исчерпанием потенциала буржуазной, национальной революционности в нашу эпоху.*

А если еще вспомнить интеграцию в буржуазную систему никарагуанских сандинистов и сальвадорских фарабундомартистов, холуйство верхушки ООП перед мировым империализмом вообще и Израилем в особенности, старания правящих в ЮАР (кстати, при поддержке США) АНК и Компартии, чтобы "новая", "нерасистская" Южная Африка как можно более походила на старую, расистскую, - то справедливость данного вывода станет еще яснее.

Но, может быть, "национал-освободительные движения" наносят удар по империализму объективно, независимо от своей воли - как тоже предполагает М. Рудый, приводя в пример, в частности... захват Кувейта Ираком - никак не движением, а государством, дающим "национал-освободительное движение" курдов.

Оставим в стороне, что последовавшая после захвата Кувейта война против Ирака послужила прекрасным средством консолидации мировой империалистической системы - консолидации, которая если и начинает распадаться через 11 лет, накануне новой возможной войны против Ирака, то никак не в силу заслуг Хусейна. Также оставим в стороне, что захватом Кувейта Хусейн влез в яму, из которой никак не вылезет до сих пор - любопытно, сделал ли он это из-за очумения, свойственного некоторым зарвавшимся тиранам, или из хладнокровного расчета, с которым другие тираны ради сохранения власти идут на бесконечную безвыигрышную войну (как, например, война буржуазной российской демократической тирании в Чечне).

Стал ли разгром царской России Японией толчком к революции 1905 года? Да, бесспорно. Должны ли были поэтому большевики поддерживать Японию в этой войне? - Конечно, нет.

Более того. Разгром власти европейских колониальных держав в огромном секторе Юго-Восточной Азии и Океании, осуществленный японскими войсками в 1941-42 гг., имел в высшей степени революционное объективное значение. Развалив, разрушив старую империалистическую власть, японские империалисты не смогли, не успели утвердить на ее месте прочную, всеохватывающую свою собственную. В результате образовалось огромное безвластное пространство, куда бурным потоком хлынуло национал-буржуазное революционное движение - в Индонезии, Бирме, Вьетнаме и т. д. Должны ли мы были поддерживать поэтому Японию (как это сделал, например, выдающийся индийский буржуазный революционер Субхас Чандра Бос - в противоположность таким политическим проституткам, как Махатма Ганди, Джавахарлал Неру и руководство индийских коммунистов-сталинистов, "критически" поддержавшие Великобританию и ее союзников, несмотря на ужасающий голодомор, который английские колонизаторы устроили индийцам во время Второй мировой войны (2))?

Еще более того. Погром, учиненный нацистскими войсками в Западной Европе в 1940 г., оказал огромное революционизирующее влияние на народы колоний. Он продемонстрировал, что белая кожа господ точно так же уязвима для пуль и снарядов, как и темная кожа рабов, и предоставил колониальным рабам возможность использовать ситуацию драки белых господ между собой для борьбы за собственное освобождение (3). Должны ли мы были поэтому поддерживать нацистскую Германию?

Иррациональный и хаотичный в своей основе капиталистический строй предоставляет множество возможностей для борьбы против него - только не

зевай. Но *эффективно* использовать любую из этих возможностей можно только при условии *абсолютной классовой независимости политики пролетариата. Полная классовая самостоятельность, независимость от всех фракций буржуазии - это альфа и омега, начало и конец подлинно пролетарской политики.*

* * *

Из всех ошибок т. Рудого самыми пагубными, влекущими за собой не просто неправильные, но с неизбежностью означающие переход в лагерь классового врага последствия, являются ошибки, связанные с пониманием природы современного российского капитализма. В данном вопросе влияние на т. Рудого мифов, господствующих в национал-патриотической и послеКПССовской среде, сказывается с наибольшей силой.

М. Рудый пишет, что в России **"практически нет национальной буржуазии"**, **"вся финансовая олигархия в РФ связана прежде всего с экспортом сырья"**, поэтому у РФ **"нет самостоятельной внешней политики"**, нет партий национальной буржуазии (КПРФ, и та - "партия компрадоров"!), а **"действительно национальными и антиимпериалистическими являются в РФ только мелкобуржуазные и полупролетарские организации (например, Национал-большевистская партия - НБП и некоторые другие)"**.

Противопоставление "хорошей" и "плохой", "производственной" и "спекулятивной", "национальной" и "компрадорской" буржуазии является любимым занятием буржуазных патриотов, помогая им представляться своими и в глазах низов ("мы - против плохого капитала!"), и в глазах самой буржуазии ("но мы - за хороший капитал!"). Такое противопоставление не имеет ни малейшего научного смысла.

История термина "компрадоры" восходит к Китаю начала 20 в., где так называли своего рода туземных комиссионеров на службе у западных фирм. Поскольку очевидно, что "челноки", перепродающие "сникерсы", никак не могут считаться главным отрядом современной российской буржуазии, то М. Рудый в доказательство ее компрадорского характера приводит ее ориентированность на экспорт сырья на мировой рынок. Здесь-то и можно с наибольшей наглядностью убедиться в пустоте и нелепости противопоставления "национального" и "компрадорского" как двух разных капиталов, а не двух личин одного и того же капитала.

Рост экспортной ориентации, все большее вовлечение промышленности в мировой рынок - свидетельства прогрессирующей интернационализации мирового хозяйства, ломающей национальную замкнутость и изолированность. Но *отношения на мировом рынке - это отношения буржуазной конкурентной войны*. Чтобы сколь-нибудь успешно действовать в этой войне, хотя бы просто чтобы устоять в ней, *любая буржуазия нуждается в поддержке и защите своего национального государства (совершенно точно так же, как для успешного пребывания на рынке базарные торговцы нуждаются в опеке бандитской крыши, которая нередко имеет национальную окраску - например, "славянская" мафия против "кавказской")*. И чем сильнее национальное государство, тем успешнее идут дела у опекаемой им буржуазии на мировом рынке, тем больше ее прибыли.

Действуя в условиях мировой конкуренции, выходя на мировой рынок, любой капитал неизбежно "космополитичен". Требуя для успеха в этой мировой конкуренции поддержки и защиты своего национального государства, тот же самый капитал неизбежно "национален".

И национальная принадлежность любого капиталиста определяется отнюдь не фамилией, полученной им от предков, а тем, какое государство является местом базирования его главных капиталов, с судьбой и интересами какого национального государства переплетены его судьба и интересы. Поэтому Ходорковский и Алекперов - *русские* капиталисты ничуть не меньше, чем Потанин или Пугачев.

То, что русское государство выполняет свои обязанности перед русским капитализмом, видно по различным таможенным войнам, когда в ответ на запретительные таможенные пошлины в США на русский металл в России вводятся такие же пошлины на "ножки Буша". Один из последних примеров в этой области - увеличение импортных пошлин на подержанные иномарки, что, как пишет газета "Завтра", "является мощнейшей протекционистской мерой, способной принести отечественному автопрому, куда активно вторгся "Русский алюминий", до 2 млрд. долларов дополнительной прибыли ежегодно..." ("Завтра", №41 (464)).

Неправильность противопоставления "компрадорского" и "национального" капитала очевидна и по другой причине. В концепциях национал-патриотов такое противопоставление соответствует делению капиталистов на "сырьевиков" и "производственников" (ко вторым прежде всего относятся капиталисты из военно-промышленного комплекса (ВПК)). Однако *само существование "сырьевиков" и "производственников" как изолированных друг от друга групп с противоположными интересами - не более, чем миф.*

В современной капиталистической экономике господствуют транснациональные корпорации (ТНК), владеющие, по общему правилу, предприятиями в самых разнообразных отраслях. Эта особенность современного капитализма наиболее ярко проявляется в России. Российские финансово-промышленные группы (ФПГ), в общем и целом, являются не результатом органической горизонтальной и вертикальной концентрации, но *конгломератами*, возникшими в середине 1990-х гг., когда банки и концерны хватили все, что могли схватить. Поэтому нет ни одной серьезной группы русской крупной буржуазии, которая не имела бы своих значительных интересов и в экспорте сырья, и в банковском деле, и в машиностроении и т. п.

Если мы посмотрим на таблицу "Крупнейшие ФПГ современной России", приводимую в книге Г. и Д. Черниковых "Кто владеет Россией?" (М., 1998), то увидим, что в империи Потанина к **"основным направлениям деятельности"** относились **"внешняя торговля, цветная металлургия, нефтяное хозяйство, черная металлургия, химия, машиностроение, связь, транспорт, внутренняя торговля, банковское дело, страхование, пластиковые карточки, процессинговые центры, НИОКР, СМИ"**, а входили в нее **"свыше 10 внешнеторговых объединений, РАО "Норильский никель", Сиданко, "Сургутнефтегаз", Новолипецкий металлургический комбинат, "Северозападное пароходство", ЛОМО, "Фосфорит", Кузнецкий металлургический комбинат, "Связьинвест", Октябрьская железная дорога, около 20 банков, свыше 10 фондов и страховых компаний"** (с. 42 - 43).

Более того, взглянув на "**основные направления деятельности**" такого чистейшего "сырьевика", как "Газпром", мы увидим там "**разведку, добычу, транспортировку газа и нефти, внешнюю и внутреннюю торговлю, металлургию, машиностроение и транспорт, строительство, легкую промышленность, сельское хозяйство, банковское дело, страхование, НИОКР, СМИ** (курсив наш. - М. И.)" (там же, с. 43).

Точно такой же конгломератный характер присущ и остальным российским ФПГ (см. там же, с. 44 - 52). И хотя за 4 года после появления книги Черниковых не могли не произойти существенные изменения в разделе собственности между ФПГ (империя Потанина потеряла "Онэксимбанк", "Сиданко", ЛОМО, зато создала АПК "Агрос" и объединение "Силовые машины"), но конгломератный их характер ничуть не изменился.

Теперь посмотрим на вопрос об иностранных инвестициях в России, что М. Рудый тоже считает доказательством не-национального характера русского капитализма.

Начнем с того, что в первой половине 1990-х гг. иностранные компании, пытавшиеся получить контроль над месторождениями нефти, газа, меди и др. сырья, встретили жесткий отпор русской буржуазии, не желавшей отказаться от этого источника огромных прибылей и доказавшей тем самым свой самостоятельный, а не "компрадорский" характер.

Низкий уровень западных инвестиций в экономику России, во много раз меньших, чем взаимные инвестиции разных западных стран в экономику друг друга, факт общеизвестный. В начале 2001 г. доля предприятий с иностранным участием составляла всего 0,8% (!) всех промышленных предприятий, основная масса иностранных капиталовложений приходилась на связь и пищевую промышленность, что никак не является базовыми, главными отраслями. Доминировал иностранный капитал только в табачной и кондитерской промышленности (см. "Аргументы и факты", №17 (1070), апрель 2001 г.), откуда до доминирования во всей экономике - дистанция огромного размера.

Понятно поэтому, что М. Рудый ошибается, когда говорит об отсутствии у РФ "самостоятельной внешней политики". Более того, он противоречит сам себе, когда упоминает далее создание российско-белорусских ФПГ, скупку российским капиталом украинских предприятий, продвижение его на рынки Средней Азии и т. п. Если это не самостоятельная внешняя политика - империалистическая политика - то что же это?

Была ли самостоятельной внешней политикой Веймарской Германии, когда ее правители, играя на противоречиях между странами Антанты и на противоречиях между Антантой и СССР, пытались преодолеть последствия поражения Германии в Первой мировой войне и подготовить новый империалистический рывок? Была ли большая часть германских правящих кругов ("западники", сторонники сближения с Антантой) или их меньшая часть ("восточники", сторонники сближения с СССР) агентами Антанты или СССР, либо *немецкими* буржуазными политиками, своей мирной дипломатией готовившими новую мировую войну?

Российская внешняя политика, отталкиваясь от нынешнего уровня силы России - т. е. от ее относительной, по сравнению с более мощными империалистическими державами, экономической слабости, - имеет целью, признавая общую гегемонию США, добиться в обмен признания российского преобладания на территории экс-СССР, то есть права России давить Чечню и давить на Грузию. Считать такую политику ослабленного империализма,

нуждающегося в передышке, чтобы зализать раны, политику, в разное время проводимую Талейраном, Горчаковым и Штреземаном, отсутствием самостоятельной внешней политики - значит впасть в такую иллюзию, когда за самостоятельную политику принимают лишь фронтальную схватку за мировое господство.

И, наконец, об антиимпериалистичности НБП. Называть ее "антиимпериалистической" партией можно, лишь если считать "антиимпериалистами" всех противников американского империализма, даже если они являются русскими империалистами.

В самом деле, где НБПшники проводили свои самые известные, самые радикальные, самые попирающие закон акции? - В *Риге* и *Севастополе*, в *Латвии* и на *Украине*, а не в *России*. По какому обвинению судят Лимонова и его товарищей? - В намерении поднять восстание в северном, русскоязычном, *Казахстане*. Как назвать деятельность *организуемой и руководимой из России* политической организации, которая в основном занята борьбой не с российским буржуазным государством, а с его буржуазными соседями-конкурентами, *объектами его империалистической экспансии*? - Разумеется, не антиимпериалистической борьбой, а скорее "присоединением русскоязычных земель". Какому классу оно выгодно? - *Русской империалистической буржуазии*.

И репрессии русского буржуазного государства против лимоновцев не противоречат тому факту, что последние за интересы этого государства и борются. Здесь точно те же отношения, какие существовали в 1920-е годы между немецким государственным аппаратом, с одной стороны, и НСДАП и другими радикальными националистами, с другой. Первый, преследуя общие со вторыми цели ("воссоединение немецких земель", "восстановление величия немецкой нации"), считал их радикальную тактику преждевременной и нереалистичной, потому и наказывал их, когда они своим авантюризмом ставили под угрозу его более изощренную тактику. Но все это было борьбой за выбор средств для общей цели.

Некоторое формальное полевение НБП в последнее время, взятие ею на вооружение буржуазно-демократических и даже антигосударственных лозунгов - факт. Причина проста: реализация Путиным государственных мечтаний "красно-белой оппозиции" оборачивается новыми прибылями для крупного капитала и новыми бедами для теснимой им (замена рынков супермаркетами!) мелкой буржуазии, составляющей социальную базу этой самой оппозиции (при том, что классовая сущность последней *крайне буржуазна, поскольку ее политическая направленность крайне националистична* - так же, как, например, и у "классических" итальянских фашистов и германских нацистов). Строить какие-то расчеты на этом "полевении" - гиблое дело. История знает множество превращений пролетарских партий в буржуазные, а вот буржуазных в пролетарские - ни одного.

Во всяком случае, повлиять хотя бы на самую незначительную часть находящейся в НБП хорошей субъективно революционной молодежи мы можем, лишь если будем *не специально заботиться о таком влиянии, не приспособливать свои политические позиции и содержание своей пропаганды к нынешним предрассудкам этой молодежи, но продолжать делать свое дело - в том числе и вытравлять у пролетариев национальную гордость, осквернять идеалы Отчизны и Родины-Матери и вытирать ноги о высокие*

патриотические чувства. Лицемерие и заискивание презирают, силу и непримиримость уважают.

* * *

Мы не будем разбирать здесь ошибки М. Рудого в вопросе о лозунге "возрождения СССР" (об этом см. статью В. Бугеры: "Какому классу служит лозунг "возрождения СССР"?") и его позицию по ситуации в Чечне (как кажется, он недоучитывает тот факт, что полевые командиры являются сейчас одной из доминирующих групп чеченской буржуазии). Перейдем к полемике со взглядами А. Здорова, продолжая в ходе нее излагать наше понимание национального вопроса.

* * *

А. Здоров пишет: **"Юридическое и политическое неравенство наций есть такой же пережиток феодализма и средневековья, как неравенство по половому, расовому, религиозному признаку. А без собственного национального государства, как показал исторический опыт, достичь такого равенства национальностей невозможно"**.

Как "пережиток средневековья" рассматривал национальный гнет в марте 1917 г. Сталин, тогда еще - революционер и большевик (см.: Л. Троцкий. Сталин. В 2-х т. Т. 1. М., 1990, с. 260-261). Но то, что Сталин высказывал этот взгляд, будучи еще большевиком, не делает его ошибочную точку зрения правильной.

Неравенство наций не может быть пережитком феодализма уже по той причине, что сама *нация есть продукт капитализма*. Это - азбука историко-материалистического понимания национального вопроса. *Национальный гнет, национальное неравенство вовсе не являются пережитком феодализма. Наоборот, они суть способ, каким капитализм поддерживает свое существование, разделяя пролетариев и властвуя над ними.* Поэтому *национальный гнет и национальное неравенство невозможно уничтожить, не уничтожив капитализм*. Как показывает исторический опыт, *образование новых национальных государств не уничтожает национального гнета и национальной дискриминации, но лишь дает возможность буржуазии вчера угнетенной нации угнетать попавшие под ее власть новые национальные меньшинства*. Как писал Ленин: **"При капитализме уничтожить национальный (и политический вообще) гнет нельзя. Для этого необходимо уничтожить классы, т. е. ввести социализм"** (ПСС, 5-е изд., т. 30, с. 22).

Примеров того, как с образованием собственного национального государства буржуазия прежде угнетенной нации давит другие народы, много. Разделенная и завоеванная, но не покорившаяся Польша была в 19 в. любимницей европейских революционеров и демократов, включая Маркса и Энгельса. Возникшее в 1918 году польское государство принялось безжалостно давить украинцев, белорусов, литовцев, евреев - и польских трудящихся тоже. Не было в мире более обездоленного народа, чем евреи - террористическое, милитаристское и клерикальное государство Израиль с самого начала основывается на изгнании, ограблении, подавлении арабов. Все национальные государства, возникшие на месте СССР и СФРЮ и имеющие сколь-нибудь

значительные национальные меньшинства, держат эти меньшинства на положении неравноправных метеков или вовсе бесправных париев.

А. Здоров пишет: **"В условиях, когда так называемые "великие нации" угрожают самому существованию малых народов, трудящимся и эксплуатируемым классам угнетенных наций, наций, не имеющих своей государственности (значит, "государственность", то есть государство, принадлежит не правящему классу, а "нации" в целом?), ничего не остается, как отказаться от борьбы со своими капиталистами и чиновниками (!!!!), якобы возглавляющими борьбу за национальное освобождение (во всяком случае, всегда получающими все плоды такой борьбы) и видеть врагов в больших угнетающих народах (значит, угнетают "народы", а не буржуазия?). К примеру, могли ли рабочие Советского Союза в годы Великой Отечественной войны (! не Второй Империалистической!) подняться на борьбу со сталинским режимом? Когда под угрозой была национальная независимость и само существование русского и других народов СССР, несмотря на все преступления сталинской бюрократии, призывы к борьбе с ней не могли быть поняты народом (! Как сказал автору этой статьи один РКРПшник в ответ на объяснение, почему в СССР был не социализм, а государственный капитализм: *"Мы, вожди, это понимаем, но народ нас пока не поймет"*)".**

То, что народ якобы был прущим за вождем стадом баранов, безропотно отдававшим жизнь "за Родину, за Сталина", за власть своих господ, а не пытался, пусть вслепую, нелепо, косо, но искать пути борьбы с господами, является любимым сталинистским мифом. Развал фронта в самом начале войны, миллионы пленных, около миллиона из которых вступили в различные прогитлеровские части - все это никак не вяжется с этим мифом. О настроениях солдат по эту, "советскую" линию фронта есть весьма колоритный рассказ пропагандиста РОА некоего Боженко:

"...я кричу (через линию фронта): *Поберегите патроны, ребята! А то расстреляете все в немцев, для Сталина ничего не останется!*

С той стороны приглушенный бас:

Не беспокойся, останется!

...Я опять им, что вот, мол, сейчас разговоров много о том, что перемены будут большие после войны, послабление будет дано. А я, говорю, братцы, не верю в это. И все мы здесь не верим. Да и вы не верите. Сейчас, говорю, обещают, а потом, когда оружие сдадите, ничего не дадут. Надували уже не раз, пора привыкнуть.

Опять басит кто-то оттуда:

Ну, мы так легко не отдадим. Мы тоже соображаем, научились..." (См.: Н. М. Коняев. Два лица генерала Власова. М., 2001, с. 291 - 293).

Но это - отступление немного в сторону...

Поскольку поедание пескарей щуками, подавление слабых сильными есть неотъемлемая черта капитализма, могущая исчезнуть только вместе с ним самим, то "великие нации", то бишь империалистические державы, будут угрожать "малым народам", невзирая даже на их формальную политическую независимость (защитила ли она чем-нибудь Гренаду, Панаму или Афганистан от США? И насколько долго сможет она защищать Грузию от России?), до тех пор, пока эти великие своими преступлениями державы существуют. Это означает, что, согласно логике статьи А. Здорова, **"трудящиеся и эксплуатируемые классы угнетенных наций, наций, не имеющих своей**

государственности" обречены следовать за своими капиталистами и чиновниками до тех пор, пока рак на горе не засвищет "Интернационал". Если это так и будет, то человечество погибнет при капитализме - и это произойдет в обозримом будущем: капитализм, превращающий природу в мусорную свалку, не даст человечеству долго зажить на этом свете...

Еще раз: нации и национальный гнет, разделение по национальному признаку, национальная дискриминация - все это не пережитки феодализма, а средства, с помощью которых капитализм удерживает в подчинении пролетариев, разделяет их, чтобы властвовать над ними. Надежды преодолеть национальное неравенство, не свергнув капитализм, столь же утопичны, как и надежды покончить при капитализме с эксплуатацией пролетариев или с обманом их буржуазными политиками.

Основная, главная причина расхождений наших взглядов со взглядами А. Здорова состоит в том, что он считает, что капитализм в мире еще не исчерпал своего прогрессивного потенциала, поэтому задача пролетарских революционеров - бороться за замену **"черносотенного капитализма демократическим"**. На наш взгляд, *после того, как капитализм к концу 20 в. завоевал весь земной шар, переработал на свой лад подавляющее большинство уголков Земли, создал производительные силы, делающие возможным переход к социализму (компьютеризация и автоматизация производства), и, применяя эти производительные силы по-капиталистически, начал чем дальше, тем необратимее, невозстановимее делать природную среду обитания человечества непригодной для жизни людей - он полностью утратил свой прогрессивный характер*. Капитализм уже совершил все прогрессивное, что мог совершить; теперь если он и движется вперед, то впереди него - пропасть, куда Поезд-Человечество, ведомый Паровозом-Капиталистом, и рухнет, если пролетарии вовремя не рванут за стоп-кран, не заменят паровоз и не направят движение в другую сторону.

Борьба за демократический вариант капитализма против варианта черносотенного - это типичная политика Народных фронтов, подчиняющая пролетариат одной из фракций буржуазии и неизбежно кончающаяся поражением даже борьбы за буржуазно-демократические цели. Пролетарии - неимущий класс, лишенный собственности и власти в буржуазном обществе. Не они решают, в какие политические формы буржуазия будет облекать их эксплуатацию. Убить дракона - невероятно трудно, но возможно, в этом - реализм революции; а вот превращение дракона в травоядного друга человека - типичная реформистская утопия.

А. Здоров пишет, что **"к концу 20 в. капиталистический способ производства утвердился во всех частях света. Но это не значит, что капиталистическая мир-система уже полностью созрела для мировой пролетарской революции. Иначе мы бы уже наблюдали мировую революционную ситуацию в форме мирового кризиса или мировой войны"**. Здоров рассуждает здесь по схеме "да/нет, все прочее от - лукавого: либо мировой революционный кризис есть, и тогда нужно бороться за революцию, либо его нет - и бороться нужно за "демократический вариант капитализма".

На самом деле, мировой революционный кризис *зреет*, и все - увы, скудные - силы пролетарских революционеров должны быть направлены на подготовку к действиям в его условиях. Субъективная причина поражений революций 1917-23 гг. как раз и заключалась в том, что в течение предшествующих десятилетий

социал-демократические партии - включая их левые, марксистские крылья - учились бороться за "демократический вариант капитализма" и оказались неподготовленными к действиям в условиях революционной ситуации - за исключением русских революционеров, многие десятилетия готовившихся к революции.

Политический прогноз о назревающей в России грандиозной революции - буржуазной революции, - прогноз, который еще в 1870-е гг. стали делать Маркс и Энгельс, а за ними Плеханов и Ленин, реализовался далеко не сразу. Но только деятельность, исходящая из него, была реалистичной, а теории "малых дел" в 1880-е гг. и "легальной рабочей партии" в 1910 г. оказались утопией, обманом.

Движение капитализма приобретает все более катастрофический характер. Грандиозные катаклизмы назревают в Китае. Как антиамериканский полюс, возникла объединенная Западная Европа - и начала противодействовать американскому вторжению в Ирак. То тут, то там сквозь застывшую кору консерватизма прорывается революционное пламя - Албания, Индонезия, Эквадор, Аргентина, даже идиотские футбольные погромы и не столь уж идиотская драка с полицией неприкаянной молодежи 15 сентября в Москве.

О последней следует сказать особо, процитировав буржуазного публициста Л. Радзиховского:

"Против чего дружат эти неумытые революционеры? Не против Путина, не против банков, не против Америки, не против "черных", не против "жидов", не против интеллигентов... Это все семечки, детали. Они - против той жизни, которая против них. У них все время по усам течет - а в рот им ни черта не попадает. И они знают - никогда и ни за что не попадет..."

Такая зависть, такое унижение, такое попранное чувство справедливости - все это было динамитом всех классических революций. Когда раздался первый рык нового русского капитализма, казалось, что уж новой революции у нас не будет - "проклятьем заклеянные" ушли в "братья-1" или в мелочную торговлю. "Красные гвоздики" остались в петлице карденовского костюма г-на Зюганова и в трясущихся руках анпиловских "комсомолок 20-х годов". Но сейчас, похоже, что-то может измениться.

Русский капитализм, не успев развернуться, впал в социальную застой. Перспективы "пацанов" стали совсем узкими. Те "пацаны", кому было 16 - 18 лет в 1990-93 гг., или перебиты, или стали "бизнесменами", но на рабочих окраинах подросли новые, из Чечни возвращаются те, кого научили воевать, - а капитализм-то, увы, не расширяется. Новые толпы - в отличие от начала 1990-х годов - пролезть в игольное ушко российского капитализма не могут. Желающих "приподняться" куда больше, чем свободных мест - вкусные места заняты, новые появляются очень нечасто.

Низы не хотят жить по-старому, а верхи не могут предоставить им возможность жить по-новому. Нет, это - не революционная ситуация. Но она не революционна только потому, что нет революционеров (г-н Радзиховский правильно понимает ситуацию: все эти АКМ, НБП и прочие "красно-белые" и "красно-коричневые" комсомолы, которые пока еще являются монополистами в деле организации пролетарской и мелкобуржуазной молодежи в республиках бывшего СССР, - это не настоящие революционеры, а буржуазные суррогаты революционеров, имитация, обман. - М. И.). Динамита

революции становится все больше - спичек нет и поджигателей не видно. Пока не видно" (цит. по: "Лимонка", №205).

Вот что пишет ученый представитель буржуазии. И хороши мы будем, если предложим этой молодежи бороться за замену черносотенного капитализма демократическим!..

* * *

А. Здоров признает: **"Несмотря на то, что в 20 в. капитализм утвердился почти на всей территории Земли, во многих странах мировому капиталу все еще выгодно сохранять пережитки докапиталистических феодальных отношений и институтов, самые дикие и варварские средневековые формы угнетения"**. Что означает такое признание, если продумать его до конца?

Оно означает, что эти дикие и варварские формы угнетения - отнюдь не случайные пережитки феодализма, которые отомрут с прогрессом капитализма. Наоборот, они необходимы для самого существования капитализма и могут быть уничтожены только вместе с ним.

Последняя стадия каждой формации имеет общие черты с ее начальной стадией - и с последними стадиями других формаций. Но старческое зверство - это уже не юное варварство. Современный капитализм воскрешает то, против чего боролся революционный и прогрессивный капитализм 18-19 веков. Но за средневеково-пережиточной формой скрывается вполне буржуазное содержание.

Возьмем пример с лозунгом республики для Саудовской Аравии. Королевский дом Саудов - это не вожди кочевых племен, чье богатство состоит в стаде верблюдов, а, как правильно пишет Здоров, "богатейший финансовый клан на Ближнем Востоке", многим-множеством нитей связанный с мировой капиталистической олигархией. Современная буржуазия давным-давно забыла о непримиримом республиканизме, вражде к деспотам и тиранам. Даже в эпоху великих буржуазных революций бескомпромиссный республиканизм был присущ отнюдь не крупной буржуазии, но плебейству. В английской и французской революциях партии крупной буржуазии стояли за сделку с королями, за конституционную монархию, и республика была провозглашена, а короли отправлены под топор только под натиском плебейской Новой Армии и парижских санкюлотов. Современное монархофильство буржуазии доказывается реставрацией Бурбонов в Испании в 1975 г., планами американской буржуазии о реставрации монархий в Афганистане и Ираке, платоническим монархизмом огромной части буржуазных политиков (за исключением разве что тех, кто мечтает о диктатуре сталинско-гитлеровского типа) в России - этой республике без республиканцев.

Поэтому лозунг республики в Саудовской Аравии может возникнуть только в ситуации сильного общественного потрясения, в революционной ситуации. Каков же может быть классовый характер этой революционной ситуации, то есть стоит ли на повестке дня в Саудовской Аравии буржуазная революция либо пролетарская?

Основа экономики Саудовской Аравии - добыча нефти. Большая часть пролетариев нефтяной промышленности (да и всей промышленности) страны - бесправные и низкооплачиваемые (сравнительно с местными жителями) рабочие-мигранты. Нужна ли им демократическая буржуазная республика, даже

гражданами которой они не станут, оставшись такими же "гастарбайтерами", или рабочая республика, интернациональная пролетарская диктатура?

И какие именно "прогрессивные силы" выдвинут в Саудовской Аравии требование демократической республики? Если мы, то есть пролетарские революционеры, то нам точно так же грош цена, как и полулевым и четвертьлевым течениям, которые в буржуазных революциях в третьем мире во второй половине 20 в., когда буржуазные революции там еще были возможны и необходимы, вместо борьбы за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства как аванпост мировой революции подлаживались под "прогрессивные силы" местной буржуазии, которая, используя этих наивных троцкистов и маоистов для подчинения и деморализации пролетарского и крестьянского движения, затем рубила им головы (наиболее катастрофический пример - Иранская революция 1978-79 гг.).

А может ли в такой ситуации выдвинуть лозунг "демократической республики" сама местная буржуазия? Разумеется, может! Выдвинуть, чтобы удержать движение низов в пределах буржуазного строя, пожертвовать частью (хотя бы даже головами Саудов), чтобы спасти целое - капиталистическую систему!

За последние десятилетия много раз можно было видеть, как *демократические требования, лозунги чистой демократии играли исключительно контрреволюционную роль*. Причем уже Маркс и Энгельс, основываясь на опыте своего времени, с блеском предсказали, что чистая демократия и демократическая республика станут последним прибежищем буржуазии!

В Польше в 1980-е гг. замечательный *классовый протест рабочих против повышения цен, осуществленного по приказу МВФ комбуржуазией* (всеобщая стачка 1980 г.) с помощью "Солидарности" (рабочих с капиталистами) был превращен в борьбу за "демократию", "реформы" и т. п. милые вещи, и очарованные демократическими сиренами пролетарии без сопротивления приняли куда более значительное повышение цен и падение уровня жизни в конце 1980-х - в 1990-е гг. Демократические и национальные требования с блеском были использованы местными отрядами госбуржуазии во всех республиках экс-СССР для сохранения своих власти и капитала. Бедняцкие бунты в Индонезии в 1998 г. против скачка цен, против голода голодных и обжорства сытых были взяты под контроль буржуазией с помощью лозунгов "реформы" и "демократии", после чего цены не снизились, голод голодных и обжорство сытых сохранились по-старому, зато появилась парламентская демократия - в сопровождении... регулярных китайских погромов!

Таких примеров исключительно контрреволюционной роли буржуазно-демократических лозунгов в последние десятилетия можно привести еще много. Но и этих достаточно, чтобы подтвердить наш вывод: **"Что должен защищать пролетариат - так это не систему буржуазной демократии, а свои интересы и свои свободы, и делать это, помня, что ему нечего надеяться ни на милости господ, ни на юридические тонкости, но только на свою классовую силу"** ("В борьбе против буржуазного национализма", с. 156).

* * *

А. Здоров допускает фактическую ошибку, когда пишет: **"Большевики стали интернациональным течением и смогли победить в 1917-21 гг.**

потому, что признали полностью и безоговорочно равное право *всех народов Земли* на самоопределение и создание своего государства (как будто государство создается и является "своим" для народов, а не для их правящих классов!)"

Ленин писал: **"Борьба против всякого национального гнета - безусловно, да. Борьба за *всякое* национальное развитие, за "национальную культуру" вообще - безусловно, нет... Принцип буржуазного национализма - развитие национальности вообще, отсюда исключительность национального эгоизма, отсюда безвыходная национальная грызня. Пролетариат же не только не берется отстаивать национальное развитие каждой нации, а, напротив, предостерегает массы от таких иллюзий, отстаивает самую полную свободу капиталистического оборота, приветствует всякую ассимиляцию наций за исключением насильственной или опирающейся на привилегии"** (ПСС, 5-е изд., т. 24, с. 132 - 133). Здесь же Ленин пишет, что задача пролетариата в национальном вопросе - это задача отрицательная, то есть задача бескомпромиссной и решительной борьбы против национального гнета и национальных привилегий, а не задача положительная, то есть не задача развития национального буржуазного государства (см. там же, с. 132). С этим мы полностью согласны.

Как известно, Октябрьская революция по своему объективному результату оказалась не социалистической, а буржуазной революцией. Та революция, которую предстоит делать нам, будет революцией социалистической, ибо время буржуазных революций прошло. Чтобы не уподобиться Иванушке-дурачку, плясавшему на похоронах и рыдавшему на свадьбе, мы не должны думать, что политика в национальном вопросе, бывшая верной 85 лет назад, остается правильной и сейчас, и наоборот, что правильная сейчас политика была верной и тогда. В 1919 г. против Пятакова был прав Ленин, сейчас Ленин говорил бы то же, что тогда говорил Пятаков.

Необходимость осуществлять задачи буржуазной революции не могла не деформировать в той или иной степени взгляды и действия пролетарских революционеров. Отсюда - как некоторые теоретические искажения, так и такие практические действия, повторение которых будет чрезвычайно вредно в грядущей революции, да и едва ли возможно в ней (союз с убийцей турецких коммунистов Кемаль-пашой, несостоявшийся - не по вине большевиков - союз с организатором геноцида армян Энвер-пашой, поддержка Амануллы-хана, но прежде всего - имевшая катастрофические последствия прогоминьдановская политика в китайской революции).

Несмотря на все эти искажения и ошибки, пока большевики оставались большевиками (а оставались они ими всего несколько лет после 1917 г.), они сохраняли понимание того, что национальный вопрос является подчиненным по отношению к мировой пролетарской революции, а не материализацией внеисторического права наций, так же как и не сферой манипуляций русской дипломатии.

Г. Сафаров, дав определения национальности и нации, подчеркнул затем, что пролетарские революционеры выступают за самоопределение (то есть за отделение и создание национального государства) только наций, а не национальностей (Г. Сафаров. Национальный вопрос и пролетариат. М., 1923, с. 183 - 184). То, что Сафаров не может быть заподозрен в русском социал-шовинизме, доказывается тем фактом, что именно после резкой критики им в

начале 1920-х гг. великодержавной политики местных русских большевиков в Туркестане там началась политика "коренизации".

Решительно борясь против любого национального гнета, неравенства и дискриминации, в том числе против тех, которым подвергаются представители самых маленьких этнических групп, то есть выполняя негативную задачу борьбы против угнетения, мы не можем выдвигать и отстаивать позитивную буржуазную задачу - притом насквозь утопичную и реакционную! - создания "собственного" национального государства (еще раз: государство принадлежит не нации, а буржуазии!) "всеми народами Земли", то есть по государству для верхнелужицких и нижнелужицких сербов в Германии, для каждого из индейских племен Амазонии и для каждой из нескольких десятков народностей, живущих в Дагестане.

Сегодня эпоха буржуазных революций завершена. С колониальным гнетом покончено, почти все жизнеспособные национальные движения в третьем мире, не говоря уже о Европе, увенчались созданием национального государства. Есть исключения: Курдистан, Чечня, может быть Синьцзян - но в период исчерпания возможностей буржуазной революционности их национал-буржуазные движения все больше перестают быть как объективными, так и субъективными врагами империализма и идут на сделки с ним, стремясь выторговать место в буржуазной системе.

Объектами национального неравенства и дискриминации сейчас являются в основном: 1) иностранные рабочие-мигранты; 2) национальности или же недоделанные нации, то есть сравнительно небольшие этнические группы, у которых либо нет своей буржуазии, либо буржуазия которых по весьма серьезным причинам не может и не хочет бороться за независимое национальное государство.

С рабочими-мигрантами все очень ясно. Если в эпоху Ленина национальному гнету и дискриминации подвергались в основном (за некоторыми исключениями, среди которых прежде всего - евреи) завоеванные и порабощенные народы, компактно проживающие на своей основной территории, то в настоящее время происходит процесс перемещения больших людских масс по земному шару, перемешивания наций и народностей. Объектом гнета и дискриминации по национальному признаку все больше становятся инонациональные рабочие-мигранты. Непригодность лозунга о "праве наций на самоопределение" для их освобождения от угнетения и неравенства очевидна (как и непригодность этого лозунга для освобождения от двойного гнета чернокожих или испаноязычных пролетариев США).

Национальностями либо недоделанными нациями (их отличие в том, что у первых нет своей буржуазии; буржуазия вторых не может и не хочет добиваться создания своего национального государства, не стремится к этому и поэтому не является полностью отделенной от буржуазии государственного центра - то есть шотландская буржуазия больше является частью английской, чем собственно шотландской, а башкирская - больше частью русской, чем особой башкирской) в Западной Европе являются баски, бретонцы, шотландцы, каталонцы и т. д., в России - множество тюркских, финно-угорских, кавказских и т. д. этнических групп, численностью от нескольких миллионов до нескольких сотен человек. Должны ли пролетарские революционеры выдвигать лозунг "право наций на самоопределение" для этих национальностей и недоделанных наций, тем более, что неравенство их с господствующей нацией - вполне реальный факт (особенно в России)?

Следует отличать признание или непризнание лозунга "право наций на самоопределение" и признание самого "самоопределения наций" как факта. Пока у нас нет сил ни на что, кроме пропаганды, мы волей-неволей признаем любое "самоопределение наций" (то есть соответствующих буржуазий) как данность, с которой нужно считаться и на почве которой нужно бороться дальше. Когда у нас будут силы, мы станем относиться ко всем этим "самоопределениям", исходя из принципа: "*Благо революции - высший закон*". Если первыми восстанут *пролетарии* Татарии или Дальнего Востока и захотят отделиться от *буржуазной* России - замечательно, но если *буржуазная* Калмыкия захочет отделиться от *пролетарской* России, никаких прав за калмыцкой буржуазией мы признавать не будем.

И совсем другое дело - если бы мы выдвинули лозунг "право наций на самоопределение". Это означало бы признание нами национального деления не как факта, а как принципа, автоматическую поддержку нами национал-буржуазных движений, а в случае их отсутствия - даже создание их нами самими! (4)

Особый добавочный гнет, которому баскский или татарский пролетарий подвергается как баск или как татарин, намного меньше угнетения и эксплуатации его как пролетария. Выдвигая особые национальные лозунги не как негативные (долой национальный гнет, долой неравенство в области языка и т. п.), а как позитивную программу создания национального государства - вместо программы мировой пролетарской революции, - мы укрепляем его единство со своей национальной буржуазией, а не вырабатываем единство мирового пролетариата.

В бывших автономиях РСФСР отсутствуют национал-сепаратистские движения, которые объективно содействовали бы развалу буржуазной России. Единственное исключение - Чечня. Здесь есть, сформировалась буржуазная нация, которая борется "за национальное единство и свободу". Поэтому, хотя мы ни на минуту не поддерживаем чеченскую буржуазию, но своим лозунгом "Российские войска - вон из Чечни!" объективно признаем независимость Чечни как факт, а не как принцип.

Это отсутствие национал-сепаратизма объясняется несколькими причинами:

- 1) Малочисленность, разбросанность, перемешанность данных народов, в значительной своей части не составляющих большинства на территории своих нацреспублик, живущих здесь вперемешку как с русскими, так и с другими народами, отношения с которыми иной раз хуже, чем с русскими. Например, татары - 48,5% населения Татарии, мокша и эрзя (два близких, но разных народа) - около трети населения Мордовии, башкиры - всего 26% населения Башкирии, зато 27% ее населения - татары, причем отношения башкирской бюрократии издавна хуже с татарской, чем с русской.
- 2) Местная буржуазия не имеет достаточных сил и средств, чтобы пытаться играть самостоятельную роль на мировом рынке. Ее экономические интересы в основном ориентированы на российский рынок, что влечет заинтересованность в сохранении единого русского буржуазного государства. Наиболее сильные из местных буржуазий, т. е. имеющие сырье на экспорт (нефть в Татарии и Башкирии, например), способны лишь проявлять время от времени автономистские поползновения.

- 3) Национальное неравенство этих народов с русским не достигло еще степени систематического и беспощадного национального гнета, толкающего массы на отпор и протест.

Поэтому национальные движения национальностей РФ делятся на две отнюдь не равные части:

- 1) Мелкобуржуазно-демократические группки интеллигентов - противников русского империализма и шовинизма. При всей путанице и сумбуре в их головах, они могут быть нашими союзниками время от времени - в конкретных тактических ситуациях. Однако массового движения они - к сожалению или к счастью - не представляют.
- 2) Местные власти вкупе с примыкающими к ним холоуями, выторговывающие поправки у центральных властей, ссылаясь на национальный принцип. Ни о каком сепаратизме с их стороны по отношению к *современной буржуазной России* не может быть и речи.

Совсем другим будет их отношение к *завтрашней пролетарской России*.

Нужно помнить, что до 1917 г. ни одна из буржуазных партий нерусских наций царской России и почти ни одна из мелкобуржуазных (кроме ППС Пилсудского) не выдвигали лозунгов отделения от Российской Империи. Даже после Февральской революции их требования ограничивались автономией или федерацией. Отделиться они захотели не от царской России и даже не от России Керенского, но от пролетарской диктатуры, победившей в Москве и Петрограде.

Нет сомнений, что подобное повторится и в будущем. Лишь только пролетарии в Москве, Ленинграде, Самаре захватят власть, как буржуазия в Казани, Уфе, Йошкар-Оле, забыв свое вчерашнее лебезение перед "единой-неделимой", тотчас вспомнит о "национальной идентичности", заговорит о зверствах безбожных русских большевиков и, божась "правом наций", объявит независимость - от пролетарской революции! - управляемых ею территорий. Будут ли иметь право красные отряды из Рязани и Пензы давить независимую буржуазную Мордовию, а красные отряды из Свердловска и Пензы идти на Уфу? Если мы сегодня объявим себя сторонниками "права наций", а послезавтра должны будем, хотим того или нет, воевать не на жизнь, а на смерть с наконец-то реализовавшими это право национальными буржуазиями, последние будут иметь все основания обвинять нас в лицемерии (как украинские националисты в Гражданскую войну обвиняли в лицемерии большевиков, признававших "право наций" - и воевавших против независимой буржуазной Украины). Лицемерить нехорошо. Совесть наша должна быть чиста, и наши сторонники не должны смущаться реальными и мнимыми противоречиями. Никаких прав за буржуазией, всеми ее отрядами, всеми ее видами, мы не признаем - и ничуть этого не скрываем.

В эпоху упадка капитализма для уничтожения всевозможных общественных бед и зол нет более простого, легкого, короткого пути, чем уничтожение капитализма. Нет иного способа уничтожения национального неравенства и гнета, чем уничтожение наций.

Что это означает?

Прав был украинский фашист Д. Донцов, правы были все другие фашисты, когда утверждали, что нация создается "элитой" и держится на "элите". Соглашаясь с нашими врагами в признании этого факта, мы конкретизируем классовый характер "элиты" и говорим, что *создателем нации и ее стержнем,*

без которого нация исчезает, рассыпается, являются буржуазия и переплетающееся с ней национальное государство.

Но пролетарская революция уничтожает класс буржуазии и разрушает национальное государство. Рабочая республика, пролетарская диктатура, на каком бы уголке земного шара она ни возникла, с самого начала будет вненациональной и безнациональной, принадлежащей не только пролетариату данной территории, но всему мировому пролетариату - и управляемой всем мировым пролетариатом, представленным его Интернационалом. Поэтому неправ М. Рудый, когда пишет, что **"пролетариат должен бороться за власть прежде всего в своей стране** (как будто есть "его" страна, то есть страна, принадлежащая пролетариату!), **со всеми ее региональными и местными особенностями"**. Вот что говорил об этом живший в начале 20 в. Ян Махайский, неочтенный и почти забытый предтеча пролетарской революции 21 века:

"В то время, когда всякая другая партия своею политикою выражает отношение данного слоя населения к данной государственной форме, пролетариат своею политикою выражает нечто высшее, чего не может сделать ни одна национальная партия. Его политика выражает в данном месте отношение мировой силы пролетариата к международному "братству" буржуазии. Поэтому то первое условие для основания самостоятельной партии пролетариата в тех странах, где лишь начинается стихийное рабочее движение, заключается в точном познании выросшими силами пролетариата этого *мирового* отношения и в сообразной с этим постановке политики пролетариата в этой стране или, выражаясь иначе, политика самостоятельной партии пролетариата сообразуется прежде всего с "экономикой" всего мира, а не того или другого участка его.

Пролетарская революция есть революция в цивилизованном мире. Захват власти пролетариатом есть акт мировой. А стало быть, и его сознательное подготовление может быть выражено только как международное дело, которого никоим образом не уложить в национальные рамки: последние всегда будут для него Прокрустовым ложем...

Самостоятельная "политика" пролетариата есть сознательное проявление единой мировой воли, следующей из тождества интересов пролетариата всех стран, а, стало быть, воли высшей, чем какая бы то ни было демократическая "народная воля", не могущей по природе своей подчиняться ей, а, напротив, по сущности своей, могущей только господствовать над ней, а потому призванной диктовать свою волю национальным законодательным органам, уничтожая классовое господство - государство.

Мировая организация пролетариата, его международная конспирация и единодушная акция, как одного целого, вот единственный путь к его господству, к его революционной диктатуре, организация захвата политической власти" (А. Вольский (Ян Махайский). Умственный рабочий. Б. м., 1968, с. 91).

Слияние разных этносов в одноязычный всепланетный коллектив - дело не одного дня и не одного года. Расовые, языковые, культурные отличия сохраняются, во всяком случае, на протяжении всего периода диктатуры пролетариата. Что исчезнет сразу, так это поддержка данных отличий силой государственной власти. Пролетарская диктатура, пролетарское полугосударство будет с самого начала безнациональным, равнодушным к

национальностям. Пролетарская диктатура на равнинах Восточной Европы и Северной Азии не будет русской, точно так же, как не будет она карельской или ханты-мансийской.

Развитие всевозможных языков и культур станет в этих условиях делом добровольных обществ, не имеющих прав и привилегий больше, чем общества кролиководов или филателистов. Русская культура, русский язык точно так же не будет пользоваться государственной принудительной поддержкой, как и язык и культура коми-зырян...

Кто знает, может быть, предоставленные находящимся в равных условиях добровольным обществам, многие языки и культуры, прежде чем угаснуть в языке и культуре единого человечества, вспыхнут последним ярким пламенем...

Ничего обидного в таком ненасильственном, естественном слиянии и отмирании для языков "великих" и малых наций, национальностей и племен нет - коль скоро *на равных* сольются и растворятся *все* языки и культуры. Все, что когда-то возникло, когда-нибудь и исчезнет. Умерло много людей, которые были не хуже нас, исчезло множество народностей и племен, которые были ничуть не хуже нынешних. Все преходяще, материя вечна. Горькое утешение, но нет на небесах бога, который приготовил бы для нас сладкое.

* * *

Грядущая мировая революция будет революцией пролетариата. Пролетариат означает не только рабочих промышленных предприятий, хотя именно они представляют собой естественный полюс концентрации всего пролетариата. Тем более пролетариат не сводится к старому пролетариату стран Запада (по новому географическому раскладу правильнее говорить о высокоразвитых империалистических странах как о Севере, об остальном мире - как о Юге).

Наоборот. Скорее всего, *начнут* революцию пролетарии среднеразвитых стран, оформившиеся в класс лишь за последние десятилетия. Ее уже начали пролетарии Аргентины, за ними вступят пролетарии Бразилии, Китая, Ирана, Турции, ЮАР, Южной Кореи. Победа их будет зависеть от того, *продолжат ли* революцию, чтобы *вместе довести ее до конца*, пролетарии США, Японии и Западной Европы.

Победа мировой революции будет зависеть от союза пролетариата Севера отнюдь не с "национал-освободительным движением", но с *пролетарскими и полупролетарскими массами Юга*. Если в этот союз передовые пролетарии Севера могут привнести ясность коммунистической теории, то вклад пролетариев и полупролетариев Юга будет не менее значителен. Они дадут необходимые для победы ничуть не менее, чем передовая теория, замечательные человеческие качества - классовую ненависть, непримиримость, готовность идти на смерть и муки, сражаться, убивать и умирать, - качества, сильно ослабевшие у пролетариев Севера за проклятые десятилетия "классового мира". Великое самопожертвование, присущее "исламским террористам" - палестинским пролетариям и полупролетариям, взрывающим себя ради смены одного хомута на другой - это великое самопожертвование еще пригодится пролетарскому делу, когда эти пролетарии и полупролетарии станут бойцами мировой коммунистической революции.

Но чего уже никогда не будет - так это союза пролетариата с "национально-освободительными движениями", то есть с национал-буржуазными партиями и

их программами. Более того, только в беспощадной борьбе с ними пролетариат и его Всемирная Партия могут установить подлинный союз с идущими за ними полупролетарскими массами.

* * *

В заключение - о двух моментах из письма А. Здорова, не связанных с национальным вопросом.

Здоров допускает фактическую ошибку, когда говорит, что **"анархизм на всей территории бывшей Российской Империи был и остается течением исключительно русскоязычного населения"**. К "русскоязычному населению" не относились ни еврейские ремесленники и пролетарии Белостока в 1905-07 гг., ни повстанцы армии Махно. Между тем это - немногие случаи, когда анархизм на территории бывшей Российской империи являлся идеологией не интеллигентских кружков, но массового движения.

О Нечаеве.

Мы должны заслужить, чтобы буржуазия относилась к нам как к кровожадным чудовищам, а не как к безобидным дурачкам. Поэтому если буржуазия станет сравнивать нас с Нечаевым - мы можем только гордиться.

Ошибка Нечаева, бывшая осью всех его действий, состояла в том, что он искусственными средствами, из еще не подходящего для поставленной им задачи человеческого материала, хотел создать из движения, находившегося на стадии кружковщины, сражающуюся партию - партию, возникшую только через десять лет естественного развития движения ("Народная воля"). Но Нечаев, при всех его ошибках, не предавший, не дрогнувший, не сломившийся и - более того - сумевший в самой страшной царской тюрьме, в Алексеевском рavelине, сагитировать всю охрану (случай уникальный во всей истории мирового революционного движения!), куда с бóльшим основанием может считаться нашим товарищем и образцом, чем такие сторонники Маркса из русской секции I Интернационала, как покаявшийся перед царизмом Н. Утин или вышедшая замуж за карточного шулера и отошедшая от революционного движения Е. Дмитриева.

Поскольку наша задача - *подвести итог* всему прошлому революционному движению, то нужно взглянуть заново и на историю I Интернационала. Сделать это не для того, чтобы заменить сказки о святом Марксе и мерзавце Бакуanine на сказки о праведнике Бакуanine и злодее Марксе, а чтобы понять то, что было, как оно было. Дело это - не первостепенной срочности, поэтому здесь можно ограничиться длинной цитатой из того же Яна Махайского, замечательно показавшего буржуазную природу и социал-демократии, и анархизма:

"...Итак, в то время, когда международное движение рабочих выросло совершенно самостоятельно для реальной акции реального выражения политики пролетариата, стремящейся к захвату власти, Генеральный Совет Интернационала такой акции проявить был не в состоянии. На этой почве и выросло сепаративное движение бакунистов. Оно в особенности усиливается после Коммуны, которая застала врасплох Интернационал и обнаружила полную его нежизнеспособность, ибо Интернационал не оказал коммунарам никакой помощи. Сделай тогда Интернационал хоть малейший революционный шаг, он подорвал бы в корне бакунинскую оппозицию.

Бесспорно, что Бакунин вначале со своей анархической проповедью обращался к буржуазным радикалам "Лиги мира и свободы". Несомненно также, что в его альянсе была, особенно вначале, масса непролетарских элементов. Но несмотря на это, фраза, которой отделяется от "сепаратистов" отчет Гаагской комиссии по поводу дела Бакунина, подписанный Марксом и Энгельсом, фраза, громко провозглашавшая, что это интрига, устроенная буржуазией для разрушения Интернационала, не более как простая уловка от сложного, непосильного дела. Если Марксу можно было, конечно, совсем не считаться с наивной программой Бакунина об уничтожении государства по декрету в первый день революции, а также с не менее наивной его теорией о построении социалистического общества на основе "прирожденного человеку чувства солидарности", то он не имел права третировать протест против своей политики многих десятков тысяч рабочих всех романских стран, Бельгии и Голландии, которые пошли за Бакуниным. Этот протест выражал, конечно, совсем не то, что о нем говорили его анархистские вожаки. Он не был выражением порицания той централизации, которую Маркс поставил в Интернационале на место единственно будто бы спасительного федерализма. Нет, это был протест против того, что централизм Интернационала не представлял собою никакого революционного содержания; протест возник не потому, что руководящий орган состоял из "якобинцев", готовящихся господствовать по низвержении современного строя, как утверждал Бакунин, а потому, что он не состоял из революционеров, из "коммунистов, представляющих на практике наиболее решительную, наиболее вперед идущую часть рабочих партий всех стран" ("Коммунистический манифест")" (А. Вольский (Ян Махайский). Умственный рабочий. Б. м., 1968, с. 86 - 87).

* * *

Товарищи А. Здоров и М. Рудый, при всех их ошибках, принадлежат к лучшим, наиболее революционно-пролетарским элементам в экс-СССР. Присущие им ошибки свойственны, в большей или меньшей степени, большинству старающихся быть революционно-пролетарскими групп и активистов. Именно поэтому необходима беспощадная критика этих ошибок.

Мир вступил в новую эпоху войн и революции. Впереди - гигантские потрясения и грандиозные катастрофы. Чтобы приплыть, сквозь бури и шторм, к светлому царству социализма, пролетариату требуется корабль - Партия и компас - Научная Теория. Их нужно готовить заранее, во время шторма - поздно.

Радикализм мысли готовит радикализм действия, оружие критики предваряет критику оружием. Теоретическое оружие для грядущего шторма неба нужно ковать уже сегодня.

Октябрь 2002 - январь 2003 г.

Примечания

1) Различение между "формальной партией" и "исторической партией" в ходу у последователей Амадео Бордиги. "Формальная партия" - это организация, *в данный момент* состоящая из определенных людей и обладающая определенной структурой; что же касается выражения "историческая партия", то оно означает *процесс политической практики, развертывающийся во времени* - процесс, включающий в себя в том числе и пропаганду, и теоретическую работу, и те тексты, в которых овеществляется труд теоретиков и пропагандистов. По мнению бордигистов, если в изначально заданном направлении продолжается существование и развитие системы определенных политических позиций, продолжается пропаганда этих позиций - значит, *историческая партия* существует, даже если ее носителями являются два или один человек, то есть если историческая партия в данный момент не воплощена ни в какой *формальной партии*. Более того: если система политических позиций существует *только в виде текстов, которые когда-нибудь могут быть прочитаны* - значит, *историческая партия все равно продолжает существовать, даже если в данный момент ни один человек не разделяет эту систему позиций и не пропагандирует ее*.

Все это как-то очень по-гегельянски... Но вот поди ж ты, встречаются случаи, показывающие, что есть таки какое-то рациональное зерно в этой концепции "исторической партии" как идеологической традиции, способной существовать даже независимо от ее живых носителей - людей из плоти и крови. Вот, к примеру, как возникла английская организация AWL (Alliance for Workers' Liberty, Альянс за свободу рабочих): пару десятков лет назад несколько троцкистов нашли где-то на чердаке издания Рабочей партии (организации, часть членов которой придерживалась теории Макса Шахтмана о "бюрократическом коллективизме" в СССР, другая же часть полагала, что в СССР существует капитализм; эта организация, основанная в 1940 г., во время Второй Мировой войны выступала против поддержки любой воюющей стороны - хотя так и не занялась пропагандой революционного пораженчества, предпочитая абстрактно-теоретическое "терпеливое просвещение" пролетариев наряду с чисто реформистской работой, - но после войны очень сильно поправела, превратилась в слугу империализма США и скончалась в конце 50-х - начале 60-х гг.), пролежавшие там несколько десятилетий - и создали организацию, продолжившую политическую и теоретическую линию Рабочей партии первого, военного периода ее существования. Вот и получилось, что около двух десятилетий "формальная партия" шахтманистов не существовала, но "историческая партия" продолжала свое бытие в виде стопки пылившихся брошюр, - и впоследствии вновь облеклась живой плотью и кровью "формальной партии"...

2) В награду за это в июле 1942 г. английские колониальные власти легализовали Компартию Индии.

3) Как это и сделал в 1941 г. С. Ч. Бос, перебравшийся в Японию при помощи германских нацистов, через Берлин, и затем начавший организовывать воинские части из индийцев под японским командованием - для борьбы с

англичанами, - тем самым выступив в роли индийского Власова. Однако, в отличие от последнего, чистота побуждений и искренняя преданность Боса делу освобождения народов Индии от колониального гнета до такой степени несомненны, что даже официальные историки СССР брежневских времен не решились осуждать его за союз с фашистами: соавтор книги "История Индии" (Г. Г. Котовский, написавший ее совместно с К. А. Антоновой и Г. М. Бонгард-Левиным), вышедшей в Москве (изд-во "Мысль") в 1979 г., лишь пожалел о наивности Боса, поверившего в то, что "военные противники Англии принесут на своих штыках в Индию избавление от иностранного гнета" (с. 460). Что здесь еще можно добавить? - Только присоединиться к этому сожалению...

4) Как это и произошло в Китае в 1920-е годы, когда китайские коммунисты по указке из Москвы *фактически создали Гоминьдан как массовую партию* - сделав этой, ранее совершенно незначительной и не пользовавшейся популярностью в массах, буржуазной организации потрясающую рекламу и обеспечив ей массовую поддержку, фактически за уши затащив китайских рабочих и крестьян под руководство Гоминьдана. Что из этого получилось, известно: Гоминьдан разгромил революционное движение китайского пролетариата, бывшее весьма сильным в 20-е гг., вырезал революционных пролетариев, вытеснил остатки коммунистов в деревню, где те и превратились в 30-е гг. в хотя и более-менее революционную, но абсолютно мелкобуржуазную партию, в которой не осталось ничего пролетарского. См. об этом замечательную книгу Гарольда Исаакса (Айзекса) "Трагедия китайской революции" (в русском переводе Б. Сливы с предисловием коллективистов) на сайте www.left-dis.nl (Left Wing Communism - An Infantile Disorder?) в разделе русскоязычной литературы.